

АННА АХМАТОВ

ВЕЧЕР

СТИХИ

ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ

МАРШАК
ЧУДЕСА

В. Хлебников
ЛЭ ЛИ ЛЭ

А. А. Сидоров.

КАПТАТА

МОСКВА
1920

Книжные редкости и библиофильство

М.В. Рац

Самый бессмысленный вопрос, который мне приходилось слышать, это вопрос о «самой редкой книге в мире» (<https://otvet.mail.ru/question/36013066>). Поскольку очевидно, что таковой может быть только книга, существующая в единственном экземпляре, а число таких книг принципиально неизвестно, но заведомо велико. Не менее бессмыслен, но крайне характерен и «лучший ответ» (двухтомная Библия Гуттенберга, появившаяся в 1456 году, которая стоит 20–25 миллионов долларов), в котором вопрос о редкости на голубом глазу подменяется вопросом о цене.

Я начал с этого казуса, чтобы была яснее моя исходная позиция: выражение «редкая книга» (РК), одно из важнейших для библиофильства, не обозначает никакого понятия. Этому не приходится удивляться: нет же у нас даже (общепринятого) понятия книги как таковой, не говоря уже про понятие о понятии. И ничего — живем как-то! Вот и энциклопедия «Книга» свидетельствует, что «традиционное понятие РК весьма условно, его содержание вызывает споры». Как говорится, спасибо за откровенность, однако сказанное ничуть не умаляет значения выражения «РК», тем более что оно имеет широкое хождение не только среди библиофилов, но и среди библиотекарей и библиографов, да и вообще среди «широкой читаю-

щей публики». Вот по причине широкого хождения и в особенности потому что от этого выражения отправляется даже энциклопедическое определение библиофильства (как собирательства редких и ценных изданий), хочется все же уяснить, что же имеется в виду.

Нужно сказать, что, по моим представлениям, понятия в отличие от терминов не определяются, а строятся. Причем строятся, как средневековые соборы, — веками. (А всякого рода определения — всего лишь гробики для мысли, хотя и они нужны на своем месте.) Я хочу продвинуться в этом направлении, не вдаваясь в неуместные здесь семиотические рассуждения, а сразу, что называется, взять быка за рога¹. Может, и нашему поколению суждено вложить свой кирпич в будущее сооружение, ибо — еще одно уточнение — строительство понятий — дело принципиально коллективное, никакому одиночке непосильное.

Будем говорить только о РК в библиофильском контексте. Такое ограничение соответствует моему личному опыту и интересам, да и повод для этих размышлений чисто библиофильский: выход в свет книги М.С. «Русские книжные редкости XX века: 333 избранные книги» / [вступ. ст., сост. М.В. Сеславинский]; Российская гос. б-ка. — М.: Пашков дом, 2016. (Во избежание недоразумений

¹ Если это кому-нибудь интересно, по поводу упомянутого понятия о понятии вообще см. Березкин Ю.М. Методология финансовой деятельности. — Иркутск, 2015. С. 131 и далее. URL: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2015/01/Berezkin-Yu.M.-Metodologiya-finansovoy-deyatelnosti.-Kurs-lekcii.pdf>.

поясню: сказанное означает, что данную заметку не следует трактовать как рецензию, речь здесь не о книге, а о понятии «РК».) Но даже в таком суженном контексте вопрос о понятии «РК» вряд ли получит однозначное и бесспорное решение. Я и хочу, руководствуясь известным лозунгом «Думай иначе!»², поделиться некоторыми заведомо спорными соображениями по этому поводу.

На мой взгляд, выражение «РК» обозначает, как минимум, три разные вещи.

1. Физическая редкость данного издания: наименование «РК» фиксирует редкость обозначаемой так вещи, известной в ограниченном числе экземпляров, в пределе — уникальной. Число экземпляров оказывается простейшим критерием редкости. Такое понимание выражения «РК» доминирует, кажется, в библиотекведении. При этом, разумеется, важно различать номинальный тираж издания и фактическое количество сохранившихся экземпляров.

2. Рыночная редкость: это книги, в силу разных причин редко появляющиеся в продаже. Чаще всего, кстати, по банальной причине: они никому не нужны. Если Вам понадобилась такая книга, найти ее может быть сложнее, чем записной библиофильский раритет.

3. Библиофильская редкость, явно не совпадающая ни с физической, ни с рыночной. Вот с ней и попробуем разобраться.

Между прочим, во вступительной статье к упомянутой книге М.С. пишет, что в море книжных редкостей как таковых особое значение имеют и привлекают библиофилов издания с высоким общекультурным значением. Почему сочетание этих двух факторов — ред-

кость и культурное значение — становится особенно важным применительно к изданиям XX века (с. 14), я, признаться, не очень понимаю. Но это мелочь, а мне важнее проблематизировать сам принцип.

Если начинать с поверхности, то есть вроде как с очевидных вещей, сразу возникает вопрос, правда не столько к автору, сколько к друзьям — библиофилам, в связи с тезисом о роли для нас культурного значения изданий. Если оно так велико, почему же фактически на периферии библиофильских интересов оказывается научная литература? М.С. не пишет о ней в целом, а ограничивается примерами малотиражных брошюр историков или авторефератами диссертаций (с. 14–15). Но вопрос относится к фактическому состоянию дел, разительно отличающему нас от стран с более старой библиофильской культурой. Расхожий пример: первое издание «Математических оснований натуральной философии» Ньютона — признанный библиофильский раритет первого разряда в Европе и Америке.

Что, в русской науке, в том числе и в XX веке, не было прорывов мирового уровня? Разумеется, были, но я что-то не слышал, чтобы библиофилы разыскивали первые публикации Н.Д. Кондратьева или Н.И. Вавилова. И не помню, чтобы на аукционах проходило первое издание шедевра советской научно-популярной литературы «Солнечное вещество» расстрелянного в 1938 году М.П. Бронштейна. Впрочем, где-то в 1970–1980-х годах среди книжников вдруг возник ажиотаж с поисками первого издания «Лекций о работе главных пищеварительных желез» И. Павлова, причем пред-

² См. об этом: Брэнсон Р. Откуда берутся идеи // Независимая газета. 2017. 11 января. URL: http://www.ng.ru/branson/2017-01-11/2_6899_branson.html. Имея в виду место инакомыслия в нашей истории, я бы заменил слово: «Мысли иначе!»

лагались за них какие-то безумные по тем временам деньги. Ларчик открывался просто: книга понадобилась кому-то на Западе.

У нас даже классика литературоведения — кажется, самой близкой к библиофильству науки, притом еще получившей именно от России в XX веке мощный вклад, — не подарила нам ни одного записного раритета. Я, правда, имел честь и удовольствие держать на своих полках «Воскрешение слова» В. Шкловского 1914 года или «Проблемы творчества Достоевского» М. Бахтина 1929 года. Но не могу оценить степень их редкости, могу сказать только, что дублиеты этих (и подобных им) изданий мне не попадались.

Примеры такого рода легко умножить. С моей точки зрения, то, что «маршруты книжного собирательства обходят эти периферийные местности стороной», — свидетельство относительной молодости и неразвитости нашего библиофильства. Здесь я вижу зону его ближайшего развития, и это важно. Одно дело — существующая, исторически сложившаяся библиофильская культура и соответствующая практика собирательства, в частности, нашедшая отражение в книге М.С. Совсем другое — интересующее меня будущее состояние дел, которое можно прогнозировать (как прогнозируют погоду) и/или проектировать таким, каким мы хотели бы его видеть. Работа с понятиями имеет свою проектную составляющую, к которой относятся мои упоминаемые дальше пожелания по части библиофильских предпочтений на будущее. Думаю, их вернее связывать с библиофилами следующих за нами поколений: если угодно, это первые соображения к тому списку редкостей,

*Передняя крышка переплета книги
М.П. Бронштейна «Солнечное вещество»
(М., 1936)*

который может сформироваться к середине нового века...

Чуть глубже (от поверхности), чем научная книга, лежит тема, намечаемая вопросом о месте или относительной роли редкости изданий в собирательской деятельности библиофилов. Если говорить о библиофильской культуре, то первым делом я бы вспомнил в связи с этим «триаду Соболевского»: содержание — издание — экземпляр, упорядочивающую основные признаки книги как предмета собирательства. И в этом смысле задающую пространство библиофильского мышления³. Триада фиксирует то хорошо известное из опыта обстоятельство, что особенности издания (того или иного произведения), в том числе и его редкость, отнюдь не

³ См. об этом: Рац М. Книга в системе общения. М., 2006. С. 91 (Письмо членам Московского клуба библиофилов).

исчерпывают интересов собирателей. Не меньшее значение имеют особенности экземпляра, лежащие, например, в основе знаменитого собрания М. Лесмана и собирателей лесмановского толка (москвича А. Маркова и других).

Этот далеко ведущий поворот темы подтверждает, в частности, последовательность действий М.С., включившего в свой список редкостей только те особые экземпляры, которые отмечены в выходных сведениях издания (с. 17, примеч. 10). И не включившего особо ценимые библиофилами экземпляры, имеющие особенности, не предусмотренные (или не отраженные в выходных сведениях) издателями. В связи с этим возникает характерный казус: в рамках принятого решения М.С. включил в свой список именные экземпляры изданий «Аквилона», но не включил таковые издательства "Academia", между тем как вторые заведомо реже аквилоновских. Они, между прочим, бывали еще в особых переплетах (по моему опыту, шелковистых, ярких тонов). Достаточно вспомнить известное по мемуарам Л.А. Рождественской «Гулливера» в «переплете цвета морской волны» (он был в моем собрании, ныне — у Л.И. Черткова).

Понятно, почему эти экземпляры не упоминались в выходных сведениях изданий: они печатались — в ленинградский период — для ближайших сотрудников и родственников А.А. Кроленко: издательство-то в нэповских традициях было семейным бизнесом. Не знаю, насколько это дело было продолжено в Москве: спросить Сокольников в свое время не догадался, а у меня был только «Евгений Онегин» Н. Кузьмина в желтом шелковом переплете с золотым тиснением, но без указания имени первого владельца. Впрочем Н.В. Кузьмин компенсировал

мне этот «недостаток», сделав на книге дарственную надпись.

Но история с "Academia" не более чем пример, и решение стоящего за ним вопроса автором списка РК представляется мне практически наиболее удобным, поскольку исключает бесплодные дискуссии на сей счет. Важно же оно не в ситуации формирования интересов библиофилов (один предпочитает РК, другой же — уникальные экземпляры), а в ситуации той или иной квалификации этих интересов и библиографического описания книг. Но вообще за приведенным примером открывается другая, смежная с РК тема: особенности не изданий, а экземпляров. Разграничить эти особенности иногда не просто: речь ведь приходится вести не только об инскриптах, маргиналиях или владельческих надписях, с которыми все понятно, но и об экземплярах на особой бумаге, подносных, в особых (в том числе подписных) переплетах, со специальными вложениями и тому подобное. В сущности, это, как правило, особенности издания, которые издатели по тем или иным причинам не хотели афишировать.

Возвращаясь же к решению М.С., я бы сказал, что решение это логически безупречно, но требует важнейшей дополнительной фиксации. А именно: культурное значение книги может быть включено в представление о ее (библиофильской) редкости, но первое заведомо и много шире второго, поскольку относится не только и не столько к редким изданиям, сколько к редким, в пределе уникальным экземплярам, и с другой стороны, — вовсе не к редким изданиям. (Кстати говоря, интереснейшие могли бы быть перечни известных (и доступных для описания) уникальных экземпляров, имеющих культурное

*Обложка издания К.Э. Циолковского
«Воля вселенной» (Калуга, 1928)*

Во многом трудами моего (давно уже покойного) знакомого — парижанина Александра Яковлевича Полонского (говорили, что у него и конкурент был, кажется, из Болгарии) наладилась систематическая переброска этих книг на Запад⁵. К нам за железный занавес информация просачивалась каплями на протяжении многих лет, и некоторые познакомившиеся с А.Я. книжники быстро научились извлекать из этого немалую выгоду. Никто, конечно, таких связей не афишировал, так что я могу только догадываться об их именах. Меня познакомил с Полонским М.С. Лесман довольно поздно, уже к концу 1970-х годов.

Эта история проливает свет и на еще одну сторону библиофильских редкостей, особенно ярко выраженную во

времена биполярного мира: их относительность, тесную привязку к месту и времени⁶. Так, в результате обменов с Полонским я стал счастливым обладателем цельнокожаного «Евгения Онегина» с иллюстрациями Добужинского, «Сказки о царе Салтане» — французского библиофильского издания, иллюстрированного Натальей Гончаровой, а также первозданной свежести четырех выпусков «Временника общества друзей русской книги», издававшегося за полвека до того отцом А.Я. — Яковом Полонским. «Там», как я понял позднее, эти книги рыночными редкостями в ту пору не были: на них не было спроса.

Надо отдать должное А.Я. (человеку, между прочим, в общении совершенно очаровательному), он не только зарабатывал себе таким образом на жизнь (у него на руках была еще неизлечимо больная любимая жена), но и собрал небольшую и очень изысканную коллекцию русского искусства «первой трети». Когда, уже в годы перестройки мы с женой впервые попали в Париж, он не только угощал нас устрицами, но и показывал — вероятно, сообразуясь с моими интересами, — оригиналы обложек уровня рудаковского «Телефона» и, помнится, роскошное метровое полотно Судейкина — что-то типа маскарада.

Ну, а что касается книг русского авангарда, то разлетевшись по миру, они стали на родине очень дорогими библиофильскими редкостями, о чем говорит и перечень М.С.

Таким образом, мы вплотную подошли еще к одной, важнейшей и определяющей для библиофильских редкостей особенности: связи редкости

⁵ Я толком не знаю, как все это было устроено, но, по слухам, Полонский договорился с советской властью и возил в СССР «ленинские документы» и прочую идеологически важную белиберду.

⁶ О последней точно пишет М.Д. Афанасьев, цитируемый во вступительной статье М.С. (с. 31): «Список отражает систему эстетических и собственно библиофильских пристрастий сегодняшнего дня...»

с ценой. Она много сложнее, чем может показаться из приведенных примеров, свидетельствующих лишь о прямой корреляции между ними. Но эта корреляция вовсе не универсальна: есть много не редких, но очень дорогих книг. Такими «купеческими» изданиями завалены в последние годы прилавки крупных книжных магазинов Москвы, но то же было и прежде: до революции такие книги часто предназначались «для мебели» в приемных преуспевающих врачей и адвокатов.

Гораздо интереснее, однако, обратная картина, мимо которой мы прошли по касательной в разговоре с В. Кричевским, говоря о возможных новых, несуществующих пока направлениях собирательства (см. «Диалоги книжников»⁷). Я имею в виду уже упоминавшиеся физические редкости, которые ... никому не нужны. (Точный ответ на вопрос про «самые редкие в мире книги» ровно о них, а вовсе не про Библию Гуттенберга.) При этом очень важно: никому не нужны здесь и теперь, пока. Потому что пути Господни неисповедимы, и в придачу к истории о футуристах я могу вспомнить об упоминаемых и в статье М.С. первоизданиях К. Циолковского, которые автор выпускал в Калуге за свой счет и которые, наверное, после первых полетов в космос стали пользоваться бешеным спросом на Западе. (Там ведь вообще существует, повторю, неведомая нам культура собирательства научно-технической литературы.) Как выяснилось со временем, спрос был, однако, очень ограниченным, и эти издания в отличие от авангарда не стали у нас редкими и дорогими.

Из сказанного, прежде всего в последнем абзаце, следует очень неприятный

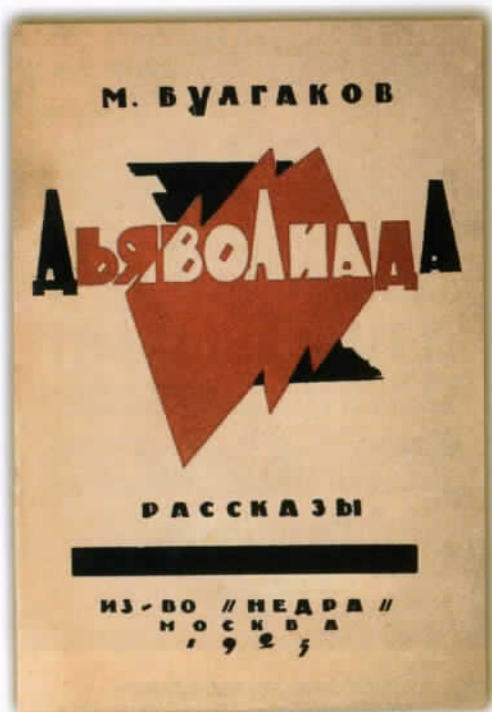
Обложка книги А.А. Блока
«Стихи о прекрасной даме» (М., 1905)

для меня вывод: книги, попавшие в сферу интересов библиофилов, автоматически дорожают и становятся мало кому доступными. Библиофильское сообщество приобретает тенденцию к окукливанию. А это явление, связанное с унификацией наших интересов, я считаю вредным как для жизни общества, так и для культуры. И наоборот: в вовлечении нового материала, формировании новых направлений (книжного) собирательства мне видится генеральный путь развития библиофильства. Жаль, что это осознание пришло ко мне поздно, но действовать так никогда не поздно: нашел же мой ровесник Л. Чертков свою золотую жилу в изданиях ВХУТЕМАСа! (Безо всяких теорий, между прочим: исключительно в практической деятельности собирателя.)

У меня есть один знакомый библиофил-пенсионер (он не уполномочил

⁷ Рац М.В. Диалоги книжников. М., 2012.

Обложка сборника повестей и рассказов
М.А. Булгакова «Дьяволиада» (М., 1925)

меня публиковать его имя), собравший удивительную библиотеку. Это подлинное сокровище из, грубо говоря, грошовых, но в значительной мере редчайших книг, изданных в СССР. Ни его библиотека, ни список его деизидерат не имеет ни одного (!) пересечения со списком М.С. И хотя мы с ним принадлежим к одному — верещагинскому — толку библиофильства, у меня была всего одна книга из списка его деизидерат («Вамбери» Н. Тихонова с рисунками Чуятова), а большинства других я просто никогда не видел. Хотя, может, что-то и видел, да не обратил внимания.

Возвращаясь к нынешнему списку М.С., хочу сказать, что такие списки,

как мгновенные (в историческом масштабе времени) фотографии, фиксируют состояние библиофильской культуры своей эпохи. Они — настоящие (в обоих значениях этого слова: подлинные и современные) вклады в историю культуры. А уж кто и как их использует — это дело пользователей. Кто-то может, как и положено членам общества потребления, использовать их в качестве списка собственных деизидерат. А другие могут, ОТТАЛКИВАЯСЬ от таких списков, как от известной печки, вырабатывать собственные, новые направления собирательства. В выработке новых направлений я вижу путь развития библиофильства, парный (одно без другого невозможно) к его функционированию в рамках сложившихся традиций и устоявшихся представлений⁸.

В. Кричевский в нашем с ним памятном разговоре для примера указывал в этом контексте на книги ОСтюцев. Я бы заметил, что первые книги прозаиков (скажем, Зощенко или Булгакова) ничем не хуже овеванных библиофильскими легендами первых книг поэтов. И не думаю, чтобы они много чаще встречались на рынке. К тому же новое это хорошо забытое старое, и сейчас в связи с углублением интереса к отечественной философии, в частности, Серебряного века, было бы естественно вспомнить о прижизненных изданиях русских мыслителей. В советские времена это было одним из заметных направлений собирательства: запретный плод сладок. То же касается и уничтоженных в массе публикаций, связанных с подлинной историей партии — в отличие от казенной и насквозь лживой «Краткой истории ВКП(б)».

⁸ Я специально писал об этой универсальной паре применительно к науке о книге: Рац М.В. Судьба книговедения: функционирование или развитие? // Книга. Исследования и материалы. Сборник 99/1–II. М., 2013. С. 36–43. См. так же: Рац М.В. Диалоги книжников. М., 2012. С. 343–360. Много из сказанного там можно отнести и к библиофильству.

Итак, оба вектора книгособирательства равно необходимы для нормальной жизни нашего сообщества и нашего общего дела. Однако не буду скрывать: мои симпатии на стороне ищущих. Я желаю им всяческих успехов в этом движении вперед по нехоженным путям. Хотя вряд ли мои пожелания им помогут. На такое дело может уйти вся жизнь, и не факт, что удастся протоптать новую тропинку.

***

Теперь, раз уж я ее цитирую, все же пара слов о книге М.С. Конечно, все списки редкостей субъективны. Сколько собирателей, столько могло бы быть и таких списков (только вот составляют их почему-то далеко не все). Поэтому спорить о конкретных позициях — пустое дело, но в целом список М.С., по-моему, вполне представительен для нашей библиофильской культуры конца XX — начала XXI века.

Вспоминая о собственной идее библиокритики, могу с удовольствием заметить, что книга сделана превосходно, начиная с переплета. Не удержусь и от похвалы: оригинал акварели Лебедева для воспроизведенной здесь супербложки знаменитой книжки Маршака «Сказки. Песни. Загадки» висела когда-то в моей московской квартире. Пустяк, а приятно. Рамка, как и виньетки на полях книги, на мой вкус, чересчур выгнєваты для XX века, но остроумное М.С. (о прототипе М.С. — знаменитом Н.Б., выросшем еще в XIX веке, можно прочесть в книге) для меня этот грешок вполне искупает.

И наконец, подводя итоги: как же я представляю себе содержание слов «библиофильская редкость»? Приблизились ли мы к искомому понятию? Не вижу здесь, как и обычно в нашем деле, нужды в глубокой теории. Ничего не имею против простейшей дефиниции библиофилов как собирателей редких и ценных изданий, но скажу все же, что редкими и ценными становятся книги, пользующиеся повышенным спросом у библиофилов. Можно и чуть подробнее. К редкостям обычно относят книги, которые «всем нужны», за которыми охотится 80% библиофилов; 20% ищут другие издания, может быть, не менее редкие физически, но не входящие в признанные списки библиофильских редкостей. Ведь не включил же М.С. в свой список издания ВХУТЕМАСа.

Поэтому можно рассуждать иначе: редкости — это книги, составляющие 20% идеальной по полноте (с точки зрения поставленной вами задачи) библиотеки, 80% которой удалось собрать. На соби́рание недостающих 20% у Вас уйдет вся оставшаяся жизнь, и все равно Вы их не соберете. Это редкости «второго рода», составлять из которых общий список придется нашим потомкам.

Цифры, конечно, условные, и не я их придумал. Это так называемый закон Парето, действующий в самых разных областях человеческой деятельности, в том числе, и в книжном деле.

В заключение пользуюсь случаем поблагодарить М.С. Сеславинского за стимулирующие замечания по рукописи этой статьи.

